

УДК 821.512.153

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-177-183

### **Своеобразие транснациональной лирики в творчестве хакасского поэта Г. Маеркова**

© *Кошелева Альбина Леонтьевна*

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, заведующая сектором литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Россия, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

E-mail: natalya.shulbaeva@yandex.ru

В статье рассматривается поэзия хакасского поэта Г. М. Маеркова. Он относится к художникам, репрезентирующим ментальность хакасской национальной культуры — философии, языка, фольклора, онтологии, истории на русском языке. Творчество таких писателей-билингвов, готовых осуществлять широкий межкультурный диалог, принято относить к транснациональной литературе. В связи с этим богата система художественных средств поэзии Г. Маеркова, ее жанровая палитра: лирическое стихотворение, элегия, рубаи, поэма. Насыщенная образными средствами поэтика, выверенная интертекстуальность на предметном и психологическом уровнях раскрывают сложный внутренний мир лирического героя. Опираясь на традиции русской культуры и литературы, поэт тем не менее подчеркивает свою национальную принадлежность, видит в национальной культуре почву для утверждения подлинных ценностей, стремится донести до читателя глубинные установки национального мира, необходимые для дальнейшего развития этноса.

**Ключевые слова:** жанр, традиция, лирика, рубаи, поэма, репрезентация, интертекстуальность, хакасская культура.

Хакасский поэт Геннадий Матвеевич Маерков (род. с 1937 г.) активно публикуется с начала 1960-х гг. И лишь в 2003 г. выходит его первый стихотворный сборник «Год лошади порой встречаются», открывший дорогу последующим сборникам: «...В тысячелетия падают века» (2004), «Напевы грустные чатхана» (2006), «Самохвал» (2010, 2011), «Жарки Хакасии моей» (2012) и другие. Сборник избранных произведений «Куда спешишь, летишь ты, Время?» (2012), изданный в год 75-летия автора, вообрал в себя все лучшее, что было представлено в предыдущих сборниках. Это стихи, раскрывающие тему большой и малой Родины, вбирающие глубокие размышления о прошлом, непростые, порой тревожные — о настоящем, философичные стихи-элегии о жизни, о быстротекущем, «летающем» времени, нежные, эмпатичные лирические строки о матери, о любви, о родной природе, строгие, порой горькие строки о насущных проблемах нашего бытия.

Как указание на творческое кредо Г. Маеркова интересна авторская аннотация в первом стихотворном сборнике «Год лошади порой встречаются»: «В данном сборнике рубаи и стихотворений, объединенных общей философской темой осмысления жизни через почитаемое животное у хакасов — лошадь, прослежен тысячелетний путь народа, его менталитет». Далее следует авторское разъяснение рисунка на обложке книги, видимо, давшего

импульс для ее рождения, — это петроглиф «Белая лошадь» на Черной горе в Хакасии, которая носит примечательное название — Солбан (Венера). Наскальный рисунок на уникальном памятнике палеолитического времени, насчитывающем восемнадцать тысячелетий (автор опирается здесь на мнение ученых [1]), напоминает очертаниями созвездие Льва и указывает на звездную сущность земной лошади, ее связь с небом и главным светилом — Солнцем. Вот почему поэт восклицает: *«О солнце — конь! Пасешься в поднебесье»* [2, с. 2].

Велика летопись художественного слова о крепком, проникновенном союзе лошади и человека (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Тургенев, Куприн, Паустовский). Г. Маерков подчеркивает, что с древнейших времен у хакасов, как кочевников, так и оседлых, лошадь — это священный тотем, олицетворяющий нечто жизнотворящее, достойное, доброе и светлое. Кроме того, что это лошадь-труженик, символ достатка семьи, она еще и воин: *«Альпы наши на конях летали, / Орлами небо пересекали...»*; / *«Что лошади спят стоя / С тяжелой ранюю на поле боя / Стремятся на ноги все встать... / Они — пример нам, жизни Воин»*. Для поэта и жизнь наша сравнивается с ходом лошади: *«Что наша жизнь? Полет иль трепыханье? ... Вскочу ль на стремя счастья я когда? / Как утопающий, схвачусь и я за гриву / Прекрасной лошади, плывущей сквозь года...»* [2, с. 26]. И не того ли романтического Пегаса с античного Парнаса имеет в виду поэт, когда продолжает: *«Коней Парнаса резвых племя / Летит по небу стремя в стремя, / Хотел бы с ними я парить...»* [2, с. 20].

Афористичность — в малом сказать многое, выразительность, образность, емкая метафора — все это отличает стиль книги и обращение ее автора к рубаи — жанру поэзии народов Востока. Можно сказать, что поэтические достоинства афористического четверостишия рубаи стало визитной карточкой поэта. Восточные мотивы подсказаны родовой памятью поэта, восстанавливающей далекое прошлое, «седую старину»: *«Все чаще в снах моих родные лица, / Где живы все и смех рекой струится, / Дымятся юрты, бродят табуны...»*; *«Едет гуннов царь Аттила» — / В этих строках есть и сила, / Быть может, и моих степей? / Ведь имя царское — «ат илля»<sup>1</sup>, / «Хунна» — хакасу — жеребенок...»*.

Особенно характерна для творчества Г. Маеркова, в частности, для его рубаи, аллюзия как соотнесенность с творчеством других писателей, с устойчивыми понятиями, фольклором, как одна из распространенных форм интертекстуальности. Это еще приемлемое средство репрезентации авторского сознания, внедрения национального начала в инонациональное сознание и мейнстрим: *«...чуть-чуть помедленней, собратья-кони...»*; *«О, птицы-тройки! Из веков туманных...»*; *«Дочь превратив в тоску-кукушку...»*; *«Оно нам — Мастер, мы же — Маргаритки»* и т. д. В определенной степени аллюзии в рубаи Г. Маеркова рождены все той же образной соотнесенностью жизни человека с миром лошади, ведущей к метафоричности и философичности мышления: *«Попонной будущее скрыто, / Под нею счастье с го-*

<sup>1</sup> «Атилля» — уздечка, удила (хак.).

*рем слиты, / Не знаешь, что и где найдешь, / Когда отбросишь ты копы-  
та»; «Из века в век / Тяжелый бесконечный бег. / Быть может, в этом  
жизни смысл? / Ну чем не конь живущий человек». И эта соотношенность  
позволяет прийти к утверждению главной составляющей жизни — любви:  
«Хрустящий сахар, хлеб с ладони грубой / Берут лошадки трепетные губы.  
/ И как прекрасен этот мир, / Когда чуть-чуть друг друга любим».*

Органична ирония в книге «Год лошади порой встречаются», сопровождающая ключевую метафору: *«Иной седок летит, не тужит, / Через овра-  
ги, валуны и лужи, / Себе расквасит лоб и лошадь искалечит, / Такой ездок и  
волку хуже». Метафора становится разросшейся и когда лирическое «я»  
сменяется на «мы»: «Держать себя в узде мы обещали, / Быть тверже  
камня, крепче стали, / Но, оглянувшись, четко видим — / И лучшими, и худ-  
шими не стали»; «На пару кляч одно лишь дышло, / Куда ни повернули — то  
же вышло, / Реформам бойким будет ли конец? / В разумные когда войдем  
ли числа?». Ирония лирический герой может направить и в свой адрес:  
«Себе на счастье или страх / Везти добычу в тороках / С Парнаса долго  
собирался... / Но чую: буду в дураках».*

Разнообразная в тематическом отношении лирика Г. Маеркова в сборни-  
ке «Куда спешишь, летишь ты, Время?» содержательна, эмоциональна, в  
ней часто обозначена прямая адресованность родной Хакасии с ее прошлым,  
с ее изумительной природой. При этом характер лирического героя, мир его  
чувств и переживаний раскрывается на предметном и психологическом  
уровнях. Предметный мир «сына юрты» — это дорогие сердцу приметы мал-  
ой Родины: «жарки Хакасии моей», «небес лазурь и синь пикулек / очей  
динлинов синева», «березы в платках хакасских», «цветастый плащ осинни-  
ка», «юрта — восьмигранник с дымящим тюндюком», «сулекская писани-  
ца», «ковыльные просторы», «атланты — тасхылы», «курганы — сакраль-  
ный знак родной земли», «цветами звенящий Тун-пайрам», «ребенком  
дремлющий бревенчатый, старинный Абакан», «скакуны на коновязи»,  
«чатхана струны нитями дорог». Образы-предметы включают и психологи-  
ческий настрой героя, влюбленного в свою родину, например: «встают Сая-  
ны словно вазы», и они в сознании героя — «лики добрые с каменным те-  
лом / На восход, на восток только взгляди! / И в огне лет лихих, в снег, мете-  
ли / мою родину молча хранят» («Степь... Курганы, курганы...») [3, с. 45].

Кровную связь с древней родиной, ее седыми легендами закрепляет  
ономастика — имена героев, которые живут в памяти народа: «Чанар Хус»,  
«Хуртуйах тас», «Тасха Матыр», «Ир Тохчын», «Умай». И сам лирический  
герой ощущает себя частицей родной земли и национальной истории: «Кур-  
ганным камнем сам застыл... / Это — я, в степи забытый, / да, это — я, с  
копыта ком...».

С большой Родиной лирического героя объединяет то, чем гордится вся  
многонациональная Россия: иконы Рублева («Красивы женщины...»), «Пи-  
ковая дама» Пушкина («Тарелка» радио простая...), Ясная Поляна Л. Тол-  
стого («Лев Толстой молвил просто, красиво...»), музыка Шостаковича  
 («У Шостаковича в симфонии...»), Хачатуряна («Тяжелый вальс Хачату-  
рян...»), Свиридова («Свиридов в музыке боль века»). А «Лебединое озеро»

Чайковского объединяет в сознании героя русскую и хакасскую культуру: «Он — наш хайджи. И наши души / В аккордах блещет, как пого<sup>1</sup>... / И потому ему внимаю, / И потому ему молюсь, / Что Петр Ильич переплетает / Мою Хакасию и Русь...» («Где вы, хулители шедевров...»).

Психологический уровень стиха организуется, формируется не только проникновенным лиризмом, но и тем, что крепит, усиливает его содержательную значимость — глубокой философичностью, этикой, взывающей к человеческому достоинству, так необходимым историзмом, скрепляющим времена и эпохи («Идут века, за ними — люди», «Над юртой дым раскинул крылья», «Степь... курганы, курганы...»). Чувства, переживания лирического героя Г. Маеркова, все богатство его внутреннего мира переданы с помощью яркой, образной выразительности и разнообразной системы тропов. Действенная метафора формирует эмпатичность стиля, усиливая его эмоциональность, напряженность и выразительность: «На голове гнездо свила мне проседь»; «...родных тасхылов шлемы, пики / И латы льдистые плывут / над горизонтом. Руки, лики / меня покаяться зовут»; «Платок хакасский бисером расшитый, / на косах ночи призрачно повис»; «луна щекой к кургану прислонилась». Граничит с метафорой не менее действенное сравнение: «Черной шалью раскинулась ночка», «Месяц на небе — бубен шамана», «Курганным камнем сам застыл...». Большую смысловую нагрузку и обобщение, порой масштабное, несет метонимия: «Юрта небес моих, синих и нежных, / Землю объяла с морей и до гор...», «Варились в казане века и годы / Прошли через него сыны степей, народы; «Чатхана струны нитями дорог...». «Юрта», «казан», «чатхан» — это понятия, вобравшие в себя категории народной жизни, его истории, этнографии.

Г. Маерков, можно сказать, в своих стихах изваял образ матери, матери-«иконы»; он в буквальном смысле соткан из проникновенных чувств светлой памяти, нежности и благодарности: «Нас провожая, мамы замирали / Березками, застывшими без шали, / Игнулись на ветру, белея... / Ушли от нас иконами печали» («Нас провожая, мамы замирали...»); «Из скальных плит крутила жернова, / Из колосков зерно для нас молола, / Струился мамы пот, а не слова — / Военная досталась доля» («Из скальных плит крутила жернова...»). Матери посвящен цикл стихов: «Небо прядет нити снега победно...». Образная метафоричность элегии усиливает концептуальную значимость таких понятий, как глубокая грусть, тоска о невозвратно ушедшем времени, друзьях, «юности-сказке»: «Осень жизни моей золотится / За вечерним усталым окном. / Где ты, юность моя, сказка-птица, / Что осыпалась красным пером» (Осень жизни моей золотится...) [3, с. 61].

Негодованием и болью пронизаны стихи, навеянные экологической проблемой, мыслью о необходимости сохранения флоры и фауны родной земли. Герой утверждает: природы «руки, лики» «меня покаяться зовут...», но покаяться природа требует от тех, кто «стрелял в кедровок, коз кормящих, / Кто щедр на зло, свинец и сталь» («Родных тасхылов шлемы, пики...»). Тревожны воспоминания детства, сопоставимые с горьким настоящим: «Прибрежный вырублен, убит кедрач, / Его грызет пилою жадный рвач...»

<sup>1</sup> Пого — нагрудное женское украшение.

(«Я в детстве переплыть не мог Таштып...»). Как посыл доброты по отношению к природе в этом стихотворении звучит наказ из прошлого: *«Мне говорила мать: “Не трогай, сын, турпанов”...»*.

А настоящее родной земли, берущее начало от «юрт», «коновязей», «степной державы», немислимо без большой Родины — «голубоглазой России» в стихотворении «Над юртой дым раскинул крылья...»:

...Стонала степь, горели юрты,  
Мальчишку скрыл седой ковыль.  
Все помним. Мы же не манкурты,  
Мальчишкой тем я, может, был  
И брел судьбе своей навстречу,  
На встречу с родиной моей,  
Голубоглазой, с русской речью,  
С Россией, слившись вечно с ней [3, с. 56–57].

В сборник «Куда спешишь, летишь ты, Время?» вошла поэма «Самохвал», пронизанная острым чувством связи истории и современности. История «вплетается в сердца, в воспоминанья» так, что *«Из прошлого любовь, страданье, / Вчерашнее в текущий век прорываются в наше сознание»*. Ученый и специалист по охране культурного наследия РХ В. П. Балахчин в предисловии к поэме пишет о горе под названием Самохвал: «...жизнедеятельность человека на ее склонах прослеживается со времен каменного века (наконечники копий и стрел из камня, святилища)... исследователи конца XIX и начала XX веков выявили около 300 захоронений трехтысячелетней давности» [4, с. 3–4]. Ученый считает, что содержание поэмы доносит это любовное отношение современного хакаса к земле, которая напоена традициями, идущими из глубины веков, такими ценностями, как единство народа при защите от врагов, ответственность каждого за ее процветание.

Тема поэмы — «преданье старины глубокой» — раскрывается в трех частях: первая часть — «людская молва» о замысле Ирт-Топчи, *«...что перепрыгнет Енисей / На дикой лошади своей...»*; вторая — кульминация (*«летел чрез Енисей бесстрашный / Им вспоенный, им вскормленный герой...»*) и трагическая развязка (*«...Хара-Чылхы упал, как воин, / Неся с собою Ирт-Топчи...»*); третья — это своеобразный лирический исполненный драматизма эпилог в форме монолога лирического героя/автора, разделяющего боль родной земли и своего народа, частичкой которого он является: *«...Мой Самохвал, мой горный дух / Черноголовых боль, преданье... Степи родной я человек, / Степи хакасской я травинка...»*.

Песни предков, их легенды оживают уже с первых строк поэмы. Автор репрезентирует самые разные приметы родной земли, образ жизни, мысли, духа, «старины глубокой»: *«...у коновязи золотой / Поводья рвет конь вороной», «...в чашах пенных / Кумыса крепкого, ...на тое<sup>1</sup> том ...народ поднял...», «...в степи — развернутой ладони / Великой матери Умай<sup>2</sup>...»*. Мифология хакасов опирается на веру в наличие трех миров: *«...в небе — Верхнем мире — / Хакасов божества живут, / В Срединном — люди в*

---

<sup>1</sup> Той — свадьба.

<sup>2</sup> Умай — Богиня-Мать, прародительница тюркских народов.

*страде, в пире, / В подземном — нечисть правит суд...*». Пословицами и поговорками наполнена фольклорная традиция в поэзии Г. Маеркова: «копытом землю не закроешь, с хвоста пыль сплетен не стряхнешь...», «стыд не дым», «близок, как и локоть», «...далек, как прошлый путь».

Афоризмы и устойчивые выражения («хлеба, зрелищ — их жаждет дикая толпа», «людей всех сталкивая лбами», «сегодня пляшут на костях», «на деньги совесть здесь меняют», «балом правят» и т. д.) формируют природу человеческих чувств, понятий, порой низменных, порочных проявлений этнопсихологии той части земляков богатыря Ирт-Топчи, которая жаждала его зрелищной гибели, *«спешила с вестью стригунком... / Смеялась, затекая жиром: «Всё! Ирт-Топчи, считай, пропал!»*. Через всю поэму рефреном проходит полное горького сожаления, упрека авторское восклицание «О, люди, люди! Что за люди!», осуждающее кровожадное ликование, страшную по своей сути «степной молвы змеиной силу». Оппозицией этому является сам замысел поэмы, прославляющий жажду подвига «могучего алыпца» Ирт-Топчи не ради смерти, а ради жизни, горячей любви к красавице Иртен. Он акцентно обозначен в гиперболизированной, как и в фольклорных алыпных-нымахах строфе: *«Мой верный конь Хара-Чылхы / В галопе страшном со скалы / Взовьёмся в небо и достигнем / Другого берега иль сгинем...»*. Поэма прославляет героев, которые «в неведение идти готовы»: *«Хоть не допрыгнул — к счастью мчался, / Хотел быть первым на земле, / Последним в жизни оказался, / Но умер воином в седле»* [4, с. 26]. Памятью герою-алыпу стала сама гора, ее название, и в настоящее время гора Самохвал — святилище влюбленных: *«Гора любви, гора разлук, / Гора и встреч, и расставаний, / Мой Самохвал, мой горный дух, / Черноголовых боль, преданье...»* [4, с. 27].

Геннадий Маерков и сегодня «пишет» свою биографию человека, гражданина (так, он руководит у себя на родине советом старейшин хакасских родов, советом ветеранов войны и труда), но это прежде всего биография поэта: *«Спокойно на душе, и я счастливый, / Беспечно в высь бездонную смотрю / С холмов Хакасии, России. / Родных богов за жизнь благодарю»* («Платок хакасский бисером расшит...») [3, с. 39]. Его вклад в развитие хакасской поэзии, как мы убедились, значителен и неповторим.

#### *Литература*

1. Ларичев В. Е. «Белая лошадь» Черной горы (астрономические аспекты памятника и астральная подоснова искусства древнекаменного века Сибири) // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. — Новосибирск: Наука, 1994. — С. 9–40.
2. Маерков Г. Год лошади порой встречают. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2003.
3. Маерков Г. Куда спешишь, летишь ты, Время?: стихи, рубаи, поэма: избранное. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. — 139 с.
4. Маерков Г. Самохвал («...преданье старины глубокой»): поэма и стихи / ред. Е. В. Чезыбаев. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. — 27 с.

## Originality of transnational lyrics in creativity of Khakass poet G. Maerkov

*Albina L. Kosheleva*

DSc in Philology, Professor, Department of Literature, Katanov Khakass State  
University

23 Schetinkina St., Abakan 655017, Russia

The article deals with the poetry of G. M. Markov — a member of Russian Union of Writers, a poet introducing the mentality of Khakass national culture, philosophy, language, folklore, ontology and history by means of the Russian language into the mainstream of the big multinational literature of Russia. Creativity of bilingual writers involved in intercultural dialogue can be referred to transnational literature. The genre palette of G. Maerkov's system of artistic means includes lyric poems, elegies, Ruba'is, poems. Rich figurative poetics means verified intertextuality shows complicated inner world of a lyrical hero at objective and psychological levels. Basing on the traditions of Russian culture and literature, the poet emphasizes his national identity, finds in national culture the grounds for assertion of authentic values, gets across the ideas of national peace, necessary for further development of the ethnic group, to the reader.

**Keywords:** genre, tradition, poetry, Ruba'i, poem, representation, intertextuality, Khakass culture.

### *References*

1. Larichev V. E. «Belaya loshad'» Chernoi gory (astronomicheskie aspekty pamyatnika i astral'naya podosnova iskusstva drevnekamennogo veka Sibiri) ["White Horse" of Black Rock (astronomical aspects of the monument and the astral subbase of Stone Age Art in Siberia)]. *Drevnie kul'tury Yuzhnoi Sibiri i Severo-Vostochnogo Kitaya — Ancient Cultures of South Siberia and North-Eastern China*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994. Pp. 9–40.
2. Maerkov G. *God loshadi poroi vstrechaem* [To See in the Year of the Horse Now and Then]. Abakan: Khakass Book Publ., 2003.
3. Maerkov G. *Kuda speshish', letish' ty, vremya?* [Time, where do you hurry, where do you fly?]. Abakan: Khakass Book Publ., 2012. 139 p.
4. Maerkov G. *Samokhval* [Samohval Mount]. Abakan, 2011. P. 26.